

СУМЕТЬ

НАПИСАТЬ ОБ ЭТОМ!..

В. М. Гусев не дожид до победы — он умер в начале 1944 года. Руководитель литературного отдела Всесоюзного радиокomiteта, он весь свой талант поэта и драматурга отдал пропагандистской работе во имя победы.

Бывая на фронте как корреспондент радио, В. Гусев вел дневник. Скорее всего, цель дневника была «рабочая» — использовать записанное для радиопередач. Но нам, нынешним читателям, эти строки дороги как документ тех лет...

Записи В. Гусева публикуются впервые.

1943 год

1 октября

Командир приехал на полустанок. Он — представитель власти. Везет его невзрачный дядя. Командир разыскивает героя, — тот совершил подвиг, был в лазарете, выписался, затерялся. С трудом, по рассказам друзей, примерно установил район, куда он поехал. Невзрачный дядя удивлен: вроде такого человека тут нигде нет. Командир: «Помоги мне в поисках». Тот соглашается. В результате выясняется, что командир ищет именно его... Дядя потом говорит: «Ты, наверное, меня ищешь, но тут какая-то ошибка. Вот я знаю героя: тот сделал чудеса, вот того бы найти...»

13 октября

...Откуда резервы у нашего народа? Неисчерпаемы его силы. Голод? Так засадим картошкой каждый вершок земли. Мне не забыть ни весенних огородных армий 1943 года, ни осенних мешков в вагонах. Холод? Пошли в родимые леса. Поклонились им в ноги. И падали на землю старые дубы, как бойцы за родную землю, и теплом своим — жизнью своей — согревали дома, двигали паровозы — леса прикрывали нас или, вернее, бросились на холод, как

люди бросались на дзоты, телом своим прикрывая других бойцов. Природа наша и люди наши боролись в одних рядах.

23 октября

На правом берегу Днепра. Старуха стоит на дороге, крестит идущие вперед наши части. «Немец-то, — говорит она, — брехал, что русских больше нету, всех он перевел, а я вон шестой час стою, — все идут, у меня аж рука устала».

8 ноября

День шестого ноября, канун праздника. Хорошо сказал Хмелев: весь день ходил в предчувствии чего-то прекрасного, что должно совершиться. День был замечательный. Утро я провел в Театре Революции, репетировали «Сыновей трех рек» — Бабанова, Дейкун, Лукьянов. Охлопков увлекательно обрисовал их роли... Вообще, он необычайно талантлив. Ворвался администратор и сказал, что меня требуют в Радиокomiteт. Склезнев сказал мне по телефону: чрезвычайные новости. Тут и начался праздник. Я прошел по солнечному Тверскому бульвару — какая осень стоит в Москве! — весь в предчувствии несказанных, но обещанных чрезвычайных новостей. Склезнев сказал:

поздравляю вас, Киев взят. Мы выпили спирту и закусили хлебом. Внесли необходимые изменения в радиопередачу. Пошли обедать...

На Театральной я услышал по радио: в 4.20 слушайте важное сообщение. Встретил Балашова. Заторопились домой. На углу Ильинки и Красной площади, против Спасских ворот услышали приказ о Киеве. Я знал уже, в чем дело, но все же прослезился. Мы расцеловались с Балашовым и побежали через мост, торопясь к салюту попасть домой. На Ордынке мальчишки орали нам вслед: «Дяденьки, Киев взят!». Пришел домой. Голубое предвечернее небо, уже подернутое по краям легкой фиолетовой дымкой вечера, мощные залпы, гроздя светлых, неярких (потому что еще не стемнело) ракет. Киев! ...Вспомнились мне мои друзья Борис Лапин и Захар Хащевин: где-то они зарыты там, под Киевом?

Звенела по радио музыка... Все, что создает искусство, вновь показалось мне жалким по сравнению с простым величием этого дня. ...Вот об этом надо написать — если бы суметь об этом написать просто, величественно — достойно!

Публикация
А. ВАЖЕНКОВОЙ
и М. СИТКОВЕЦКОЙ